

2 Oct 1912

БИБЛИОТЕКА
21 АВГ. 1912
И. М. У.

ms. 1572.43

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ СЕРДЦА

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублой).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

Vol. XIV. — No. 23. New York DECEMBER 14 1 Декабря 1910 г

Notice.

The Russian Orthodox American Messenger has gone back to its original parallel Russian and English columns, so that, though the separate English supplements have been discontinued, the English readers will always find, on its pages, some reading in their own tongue. — EDITOR.

6 ДЕКАБРЯ.

Праздникъ Православія, праздникъ Церкви, праздникъ Руси, праздникъ Мясси нашей, праздникъ Русско-Американскаго Общества Взаимопомощи, праздникъ нашего Кафедральнаго Собора... Николинъ День!

Соборъ въ зелени, въ щѣтахъ, въ огняхъ. Наружу пазъ архіерейскаго дома выкинуты національные флаги. Ихъ колышетъ вѣтромъ. Ясное, тихое декабрьское утро! Рабочій день, а народу полно. Сверкая мундирами, стоятъ саповники Россійскаго Посольства и консульства. Успенный любителями хоръ возглашаетъ торжественно хвалу Богу и небесному покровителю храма.

Два Святителя совершаютъ Божественную литургію, сонмъ духовенства сослужить имъ. Владыка Александръ говоритъ слово—удивительное по выразительности, по содер- жательности, по изяществу рѣчи, по высотѣ чувства. Именно такой проповѣди желалъ русскій человекъ въ такой день! Какъ просто, и какъ сердечно-хорошо! Конечно, свя- титель Николай—національный русскій святой! Святитель Николай—грекъ,—этого русскому простолюдину не понять, да и понимать не надо!... Въ немъ, какъ въ миниатю- рѣ, отражены лучшія стороны русскаго православнаго духа,—потому онъ нашъ, свой, русскій!... »Воздержанія учитель«, постникъ еще въ годы младенчества. Но не велико- лосердиѣ русскаго: онъ и каторжниковъ зоветъ »несчастненькими«?!... »Правило вѣ- ры«,—по преданію, въ ревности руку подвижній на нечестиваго еретика. . . А русскій народъ, младенецъ въ догматическихъ разумѣніяхъ, не являть ли себя всегда поборни- комъ православія, пострадать за него готовымъ?... Потому и церкви многія-многія имени св. Николая на Руси посвящены, посему и русскихъ людей миллионы его именемъ окрещены. И державнѣйшій Вождь земли русской имя это святое носить! Простран- ства побѣждающая любовь несетъ теперь наши мысли туда, въ Царскія палаты, и Госу- дарю Имениннику привѣтъ съ днемъ Ангела приносить, и предъ престоломъ Божиимъ мо- литвы о здравіи и долгоденствіи его повергаетъ. Ибо дорогъ намъ Царь. »Безъ царя— Русь что вдова, а народъ—сирота«. И хоть говорятъ: »до Бога высоко, до Царя дале- ко«, но »Царское око видитъ далеко«... И да знаетъ нашъ Государь, что не только въ родной землѣ, но и здѣсь найдется немало вѣрныхъ его сыновъ, которые рады были бы себя на кусочки изрѣзать, еслибы то для блага Царя нашего потребовалось!

Въ покояхъ Владыки Архіепископа обмѣнивались взаимными привѣтствіями съ праздникомъ, съ Именинникомъ. Дружно пѣли гимнъ Русскій—нашъ дивный, несрав- ненный гимнъ! И Высокопреосвященнѣйшій Владыка выразилъ искреннія чувства рус- скихъ людей въ телеграммѣ на ВЫСОЧАЙШЕЕ Государя ИМПЕРАТОРА имя:

»Примите, Государь, горячій привѣтъ въ день Ангела и отъ Вашей Американской Руси!«

Позднѣе полученъ былъ отвѣтъ съ милостивымъ выраженіемъ *Высочайшей* благо- дарности Его Высокопреосвященству за принесенныя поздравленія.

О ЦЕРКВИ. -- THE CHURCH.

By D. Bogdashewsky.

Translated by Vera Johnston.

III.

Греко-Россійская Церковь сохранила древнюю христіанскую чистоту и истин- ность. Названный уже нами Американскій епископъ Графтонъ, посѣтившій недавно Россію, такъ говоритъ о нашей православ- ной Церкви. »Одно могу сказать: русскій

The Greco-Russian Church has pre- served the ancient Christian purity and rightfulness. The American Bishop Graf- ton, who recently visited Russia and whom we have already quoted, speaks as follows,

народъ по истинѣ православный народъ; на свѣтъ нѣтъ другого народа, столь глубоко и искренно религіознаго, какъ онъ. У васъ вся жизнь проникнута религіозностью. О церкви вашей что сказать мнѣ? Она счастлива, что сумѣла сохранить ввѣренное ей павліе Христово безъ всякихъ пзмѣненій; она ничего не прибавила къ нему и ничего не убавила отъ него. Она по всему праву должна называться среди другихъ церквей православною. Счастлива она тѣмъ, что никогда не переживала время схолластики. Стоя вдали отъ представителей схолластическаго вѣдѣнія, она не испытала на себѣ и печальныхъ плодовъ сего вѣдѣнія, отъ коихъ мы, къ прискорбію, до сихъ поръ не можемъ освободиться... Храмы ваши и ваше богослуженіе—продолжаетъ епископъ Графтонъ—по истинѣ прекрасны; они говорятъ сердцу, возносятъ мысли горѣ. Войдя въ ваши чудные Московскіе соборы, даже иновѣрецъ невольно проникается молитвеннымъ настроеніемъ... Между Востокомъ и Римомъ даже сравненія быть не можетъ. Римъ, когда человекъ увѣруетъ въ него, не довольствуется одною этою вѣрою; онъ требуетъ подчиненія себѣ и успокоивается только тогда, когда вѣрующій въ него становится его рабомъ, рабомъ тупымъ и безгласнымъ. Вы смотрите на дѣло иначе,—да и не можете по другому взирать на человека, приближающагося къ вамъ. Такому человеку вы открываете свои объятія и говорите ему: будемъ братьями, ты—моимъ, я—твоимъ. По ученію вашей церкви, вѣра сродняетъ людей и объединяетъ ихъ, какъ родныхъ братьевъ*).

Такъ судить о нашей Церкви престарѣлый Графтонъ, мужъ, безъ сомнѣнія, великаго духовнаго опыта. Утѣшительный и ободряющій насъ голосъ! Но слышатся на Западѣ и у насъ иные голоса, враждебные нашей церкви. Этихъ обвиненій, взводимыхъ на нашу церковь, нельзя здѣсь не коснуться.

Говорятъ, что церковь находится у насъ въ полной зависимости отъ государства; она ему безусловно покорствуется, не имѣетъ никакой самостоятельности, никакой силы и власти. Это обвиненіе на нашу церковь взводилъ въ свое время западный ученый

about our Orthodox Church*); "I can say one thing: the Russian people is truly an orthodox people; there is no other people in the world as profoundly and sincerely religious. With you the whole life is penetrated with religion. What am I to say about your church? It is fortunate that it succeeded in preserving without any changes the inheritance of Christ entrusted to it; it did not add anything to it, neither did it take anything away from it. In all right it must be called orthodox amongst other churches. It is also fortunate in this that it never lived through the era of scholasticism. Standing away from the representatives of the scholastic knowledge, it did not have the experience of the sad fruit of this knowledge, from which we can not make ourselves free to this day, to our sorrow... Your churches and your divine service are truly beautiful; they speak to the heart and lift up the thought. Entering your wonderful Moscow cathedrals even a stranger is penetrated with a prayerful mood... The East and Rome can not be even compared. Once a man believes in it, Rome is not satisfied with this belief alone; it demands subjection to itself and will not rest until the believer becomes a slave, a dull and voiceless slave. You consider the matter differently, and you could not consider in any other way a man who comes near to you. To such a man you open your embrace and you say to him: let us be brothers, you mine, and I yours. In the teaching of your church, faith makes men akin and unites them, as real brothers."

Thus our church is judged by the eminent Bishop Grafton, a man of, no doubt, great spiritual experience. A consoling and encouraging voice! But in the western and even among us we hear different voices, hostile to our church. These accusations against our church must be touched upon in this article.

They say, that with us the church is in complete dependence on the State; it obeys the State unconditionally and has no independence whatever, no force and no power.

*) Церковныя Вѣдомости, 1903, № 44, стр. 1717, 1718.

*We offer the same apologies as in the preceding number. Vera Johnston, trans.

Лоранси и вотъ какой превосходный отвѣтъ на это обвиненіе даетъ нашъ славянофилъ А. С. Хомяковъ. »Когда, послѣ многихъ крушеній и бѣдствій, русскій народъ, общимъ совѣтомъ, избралъ Михаила Романова своимъ наследственнымъ государемъ (таково высокое пропехождение императорской власти въ Россіи), народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какую облеченъ былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ. Въ силу избранія, Государь сталъ главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, такъ же, какъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія... Народъ не передавалъ и не могъ передать своему Государю такихъ правъ, какихъ не имѣлъ самъ, а едвали кто-либо предположить, чтобы русскій народъ когда-нибудь почиталъ себя призваннымъ править Церковью. Онъ имѣлъ пзначала, какъ и всѣ народы, образующіе православную Церковь, голосъ въ избраніи своихъ епископовъ, и этотъ свой голосъ онъ могъ передать своему представителю. Онъ имѣлъ право, или, точнѣе, обязанность блюсти, чтобы рѣшенія его пастырей и ихъ соборовъ приводились въ исполненіе; это право онъ могъ довѣрить своему избраннику и его преемнику. Онъ имѣлъ право отстаивать свою вѣру противъ всякаго непріязннаго, или насильственнаго на нее нападенія; это право онъ также могъ передать своему Государю. Но народъ не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, общецерковнаго благочинія, догматическаго ученія, церковнаго управленія, а потому не могъ и передать такой власти своему Царю. Это вполне засвидѣтельствовано всѣми послѣдующими событіями. Низложенъ былъ патриархъ; но это совершилось не по волѣ Государя, а по суду восточныхъ патриарховъ и отеческихъ епископовъ. Позднѣе, на мѣсто патриаршества, учрежденъ былъ Синодъ; и эта перемѣна введена была не властью Государя, а тѣми же восточными епископами, которыми, съ согласія свѣтской власти, патриаршество было въ Россіи установлено*»). Короче говоря, православная русская Церковь не знаетъ никакой видимой главы Церкви,—ни духовной, ни свѣтской. Ея единый глава—Христосъ. Въ вопросахъ вѣры, въ вопросахъ церковной организаціи, церковной дисциплины, авторитетна только Цер-

*) Сочиненія, т. II, стран. 36.

This accusation was made by Laurancy, a western man of learning, in his time, and this is the excellent reply given to this accusation by our slavophile A. S. Chomiatkoff: "When after many wrecks and calamities, the Russian nation, in a general council, elected Michael Romanoff for its hereditary sovereign (such is the exalted origin of the imperial power in Russia), the people handed over to its elect all the authority it was invested with itself, in all its forms. By force of election, the sovereign became the head of the people in the affairs of the church as well as in the affairs of civil government... The people did not transmit and could not transmit to its sovereign rights which it did not possess itself, and it is hardly possible that anybody supposed that the Russian people ever considered itself called to rule the Church. From the beginning, as all the nations making up the Orthodox Church, it had a voice in the election of its bishops, and it could transmit this voice to its representative. It had the right or more exactly the duty to watch that the decisions of its pastors and their councils were acted upon; this right it could entrust to its elect and his descendants. It had the right to defend its faith against all hostile and violent assault; this right also it could transmit to its sovereign. But the people had no power whatever in the matters of conscience, of the general church order, of dogmatical teaching and ecclesiastical government, and therefore it could not transmit any such power to its Zar. This is completely testified by all the subsequent events. A patriarch was deposed, but this came to pass not by the will of the sovereign, but by the judgment of eastern patriarchs and Russian bishops. Later on, the Synod was established in place of the Patriarchate. But this change also was introduced not by the power of the sovereign, but by the same eastern patriarchs who established the patriarchate in Russia, with the consent of the lay power (Complete Works, Vol. II., p. 36).

In brief, the Russian Orthodox Church knows no visible head of the Church, neither spiritual, nor lay. Its only head is Christ. In question of faith, of church organization

ковъ, государство же авторитетно въ дѣлахъ мірскихъ.

Церковь, говорятъ далѣе, живетъ только «загробнымъ идеаломъ», и этимъ явно отклоняетъ отъ себя интеллигенцію, которую «проповѣдью одного только загробнаго идеала не возмемъ». Интеллигенція работаетъ на благо народа; «учителя, врачи, земскіе дѣятели, писатели, женщины особаго типа — они обслуживали русскую землю (т. е. въ послѣдніе голодные годы) съ завиднымъ самоотверженіемъ, и при томъ не въ разбродъ, а въ высшемъ сознаніи своего единства, своего особаго нравственнаго облика». А «представители Церкви... свои священныя упованія ограничиваютъ загробнымъ міромъ. Въ же слова пророковъ о торжествѣ истины Божіей и на землѣ принимаютъ въ такъ называемомъ переносномъ смыслѣ». Церкви необходимо должна имѣть въ виду религиозно-соціальный идеалъ, и на этой именно почвѣ общественнаго дѣланія возможно единеніе представителей церкви и интеллигенціи; необходимо выйти церкви на общественное дѣло, «на широту земли»*).

Но нужно совершенно закрыть глаза, чтобы отвергать всякое участіе нашей церкви въ общественномъ дѣланіи. Церковь много дѣлаетъ и въ этомъ направленіи, но только ея трудъ не такъ замѣтенъ, не имѣетъ такой виѣшняей, показной стороны. Мы уже теперь такъ настроены, что обслуживать физически голоднаго — это дѣйствительно доброе дѣло, это выходъ «на широту земли», а удовлетворять духовный голодъ человѣка и при томъ истинно духовною пищею — это дѣло неважное, а, пожалуй, даже вредное, насколько оно касается «непознаваемыхъ глубинъ истины». Церковь незримо дѣлаетъ свое дѣло, и она отерла столько слезъ, сколько не можетъ сдѣлать никакая интеллигенція, ибо она воздѣйствуетъ на душу человѣка, его совѣсть. Церковь не игнорируетъ земнаго благополучія людей, насколько это необходимо въ нравственныхъ цѣляхъ, или же имъ не противорѣчитъ. Она имѣетъ въ виду водворить на землѣ правду и любовь Божию: въ обществѣ, въ государствѣ, — а это

*) В. А. Тернавцевъ, Русская Церковь предъ великою задачею, въ «Новомъ пути», 1903, январь. Записки религиозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ, стр. 5—22.

and church discipline, only the church is an authority; the state is an authority only in wordly matters.

Further they say, that the church lives by an ideal 'beyond the grave' alone, so by which it obviously drives away the intelligent classes, who "can not be taken by the preaching of the ideal beyond the grave alone". The intelligent people work for the good of the people; "the school teachers, the doctors, the members of country councils, literary people, women of a certain type — did serve the Russian land (that is, during the last famines) with enviable selfabnegation, and not in an isolated way, but with a supreme consciousness of their solidarity, of their peculiar moral make up". And yet, "the representatives of the church... limit their most sacred beliefs by the world beyond the grave. And they take everything the prophets said about the triumph of God's truth on earth also in the so called figurative sense. It is necessary that the church should have a religiously social ideal, and it is only on the soil of social activity that the union of the representatives of the church and of the educated classes is possible; it is necessary that the church should come out to do work for the common cause, "in the breadth of the land".

However, a man must have his eyes completely closed, in order to deny altogether the part taken by our church in social work. The church does a good deal in this direction also, but its labors are not as noticeable and have no showy surface. At present our mood is such that it seems as if the material service of the hungry were truly a good deed "in the breadth of the land", but that to satisfy man's spiritual hunger with the truly spiritual food is a work of no importance, and, perchance, a harmful work in as far as it touches the "unknowable depth of truth". Invisibly the church does its work; it has wiped away more tears than any educated classes could ever succeed in doing, because the church acts on the soul of man, on his conscience. The Church does not ignore the earthly welfare of man, in as far as it is necessary for moral ends or contradictory to them. The church aims at establishing on this earth the

важнѣе всего; тутъ вся христіанская соціология. А если желаютъ, чтобы наша Церковь вторгалась, подобно католицизму, въ политику, входила въ союзъ съ разными социальными доктринами, то этимъ самымъ стараются навязать ей то, что безконечно ниже ея задачи—руководства людей къ вѣчной жизни. И неужели эта проповѣдь о «загробномъ идеалѣ» приноситъ вредъ настоящей земной жизни? обезцѣниваетъ ее, отвлекаетъ насъ отъ культурнаго дѣланія? Но именно эта проповѣдь возвышаетъ жизнь надъ всѣмъ мелкимъ и суетнымъ, создаетъ истинную бодрость духа въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, заставляя безконечно высоко цѣнить личность человѣка, его вѣчную, бессмертную душу. Не вина Церкви, если, какъ говоритъ тотъ же г. Тернавцевъ, наша бюрократія не имѣетъ религіозныхъ упованій, ко благу управляемыхъ непоправимо равнодушна, если наше земство истолковываетъ волю народа «въ духѣ противоцерковнаго западно-европейскаго общественнаго идеала»^{*)}. Церковь дѣлаетъ, что можетъ, для исправления этого зла. Не Церковь должна идти на какой-нибудь компромисъ, а интеллигенція должна приблизиться къ Церкви, ибо она «до тѣхъ поръ не найдетъ доступа къ сердцу народа, пока не увѣруетъ въ его Христа и не приобщится жизни Церкви»^{**}).

Церковь — продолжаютъ противники церковности—стѣсняетъ свободу научнаго изслѣдованія, убиваетъ истинный научный духъ и этимъ прямо задерживаетъ научный прогрессъ; это и понятно: она по самой своей природѣ консервативна. Но никто не принуждаетъ вступать въ Церковь, какъ, съ другой стороны, Церковь и не удерживаетъ *внѣшней силою* въ своемъ лонѣ. Вѣра дѣло свободы: не желающаго вѣрить, кто можетъ заставить вѣрить? (св. Іоаннь Златоустъ). Но если кто вступилъ въ Церковь, онъ обязанъ ей духовно подчиняться, а иначе онъ не членъ ея. Церковь не можетъ отказаться отъ того вѣроученія, которое она установила на вселенскихъ соборахъ; она, какъ сказано раньше, не признаетъ лжью того, что прежде считала за истину, ибо она не обыкновенное человѣческое учрежденіе, а учрежденіе

truth and the love of God in the family, the community and the state, which is most important of all. This holds the whole Christian sociology. The people, who wish that our church should force its way into politics, like the Roman church, making alliances with various sociological doctrines, only try to bind it with things infinitely inferior to its true object—that is the guidance of men towards life eternal. Or is it that the preventing of this “ideal beyond the grave” does harm to the present terrestrial life, making it less valuable and taking us away from working for the ends of culture? No, it is exactly this preaching which places life above everything mean and vain, supplying man with the true alertness of spirit in trying circumstances, infinitely increasing the value of man’s individuality and his eternal, immortal soul. It is not the fault of the church, if, as the same author says, our bureaucracy has no religious beliefs and is incorrigibly indifferent to the welfare of those it governs, if our country councils interpret the will of the people “in the spirit of an anticlerical social ideal of the western Europe”. The Church does all it can to correct this evil. It is not that the Church should consent to some compromise, but the educated classes should come nearer to the Church, for “they will not find an access to the heart of the people until they believe in Christ and blend with the life of the Church”.

The Church, continue the opposers of the church order, interferes with the freedom of scientific investigation, it kills the true scientific spirit and by so doing directly keeps back scientific progress. This stands to reason: in its very nature it is conservative.

But no one forces a man to enter the Church as, on the other hand, no one detains a man within its pale by any exterior power. Believing is a matter of freedom. Who can make believe him, who does not want to believe? (St. John Chrysostom). But once a man has entered the Church, he is bound spiritually to obey it. The Church can not give up the doctrine which it established at ecumenical councils. As it was

^{*)} В. А. Тернавцевъ, стр. 5.

^{**}) Ibid., стр. 12.

божественное, одушевляемое Духомъ Святымъ; откровение Божіе не можетъ самому себѣ противорѣчить, и Церковь не получаетъ новыхъ откровеній, не рождаетъ дотоле невѣдомыхъ ей истинъ, а она только раскрываетъ первоначальное, неизмѣнное свое содержание, данное ей Христомъ, примененное къ нуждамъ и потребностямъ, въ разное время различнымъ, своихъ членовъ. Поэтому можно и должно изслѣдовать, сколько только позволяютъ его силы и способности, но только пусть это изслѣдованіе не будетъ оторваннымъ отъ почвы единого вселенскаго церковнаго преданія. А если наше изслѣдованіе въ богословской области расходится съ вселенскимъ церковнымъ ученіемъ, нужно узумниться въ справедливости нашихъ выводовъ, ибо Церковь правѣ насъ, ея разумъ безконечно превосходитъ нашу ограниченность. Мы ищемъ и имѣемъ право искать, но Церковь, какъ благодатное учрежденіе, владѣетъ уже тѣмъ, чего мы ищемъ, а потому нужно быть покорнымъ ея вселенской истинѣ. Изслѣдованіе въ области вѣры, это не какой-либо научный экспериментъ, а тутъ участвуютъ всѣ силы нашего духа, стремящагося познать живую истину. Если правильно вникнуть въ дѣло, то Церковь не есть для насъ ничто внѣшнее, простой авторитетъ, стѣсняющій насъ, а мы плоть отъ плоти ея и кость отъ кости ея; въ ней наша истинная жизнь, наша истинная автономія.

Что Церковь не стѣняетъ свободы изслѣдованія въ чисто научной области, это считаемъ излишнимъ и доказывать. Она благословляетъ всякое такое изслѣдованіе, но только бы оно не плодило невѣрія. Церковь, понятно, не можетъ позволить сѣять среди своихъ членовъ всякія зловредныя ученія, отрицающія личнаго Бога, безсмертіе души, откровеніе и т. п.

Церковь всегда дѣйствуетъ только словомъ; область ея вліянія—исключительно душа человѣка. Если она отлучаетъ кого-либо изъ своихъ нѣдръ, то насилія при этомъ никакого не употребляетъ, а, въ виду блага другихъ своихъ членовъ, указываетъ только то, что уже собственно давно совершилось въ душѣ отпаднаго, т. е. его полный разрывъ съ церковнымъ единствомъ. Теперь желаютъ достиженія какой то абсолютной свободы, но, вѣдь, такая свобода по самому существу не-

said before, it does not take for falsehood that which formerly it considered as truth, for it is not an ordinary human institution, but a divine institution, ensouled by the Holy Ghost. And the Church does not receive any new revelations and does not give birth to truths heretofore unknown to it. It merely discloses its original unchangeable contents, given to it by Christ, adopting itself to the needs and wants of its members, which are different at different times.

Therefore a man may and ought to investigate, in as far as his powers and abilities allow him; only this investigation must not be severed from the soil of the one universal Church tradition. And if our investigation in regions of theology differs from the universal teaching of the Church, we must doubt the correctness of our own conclusions, for the Church is more right than we, and its wisdom infinitely exceeds our limitations. We seek and we have the right to seek, but, as an institution of grace, the Church already possesses that which we are seeking, and therefore we must be subject to its universal truth. Investigation in the region of faith is no scientific experiment, for in it all the powers of our spirit take part, tending to learn the living truth. If we look into the matter correctly, we shall see that for us the Church is not anything on the outside, it is not simply an authority which hinders us; but we are flesh of its flesh and bone of its bone; in it is our true life, and our true autonomy.

It is not even necessary to prove that the Church does not interfere with the freedom of the researches in the truly scientific field. It grants its blessing to any endeavour of the kind, so long as it does not result in unbelief. But it stands to reason that the Church can not allow the spread among its members of all kinds of harmful teachings, which deny the personal God, the immortality of the soul, revelation, etc.

The Church always acts by word alone. The sphere of its influence is the human soul exclusively. If it excommunicates anybody, no violence of any kind is used, merely recording, for the good of its other members, that which had already taken place long ago in the soul of the renegade, that is his complete rupture with the church union.

возможна и разрѣшается въ абсолютный произволъ. Если Церковь есть благодатное утрежденіе, то она воспитываетъ человека, а воспитаніе немислимо безъ извѣстныхъ воспитательныхъ средствъ, безъ определенной дисциплины, которой необходимо подчиняться. Неужели это насиліе? Но тогда уже никакое воспитаніе немислимо, и нужно всецѣло предоставить человека влиянію его натуральныхъ, безнорядочныхъ инстинктовъ.

Церковь, утверждаютъ, наконецъ, противники, погрузилась въ обрядъ, или обрядовую сторону; истинная духовная жизнь въ ней замираетъ; она покровительствуетъ въ религіи всему внѣшнему, извлекая изъ этого для себя явную пользу. Но мы уже знаемъ, что говоритъ епископъ Графтонъ о нашемъ народѣ и о нашемъ богослуженіи: »Русскій народъ по истинѣ православный народъ; на свѣтъ нѣтъ другого народа, столь глубоко и искренно религіознаго, какъ онъ... Храмы ваши и ваше богослуженіе по истинѣ прекрасны; они говорятъ сердцу и возносятъ мысль горѣ... Ваша Троицкая лавра безподобна и ни съ чѣмъ несравнима. Я былъ въ ней въ день преподобнаго Сергія и видѣлъ въ ней вашихъ паломниковъ. На нихъ, пришедшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, нельзя взирать безъ умиленія сердечнаго«. Не презрите же единого отъ малыхъ спсхъ!... Не осуждайте брата своего!... Всякій обрядъ есть выраженіе духовнаго стремленія къ Богу. Знаемъ, что обряды не неизмѣнны, а съ теченіемъ времени измѣняются и одухотворяются. Въ Церкви есть младенцы въ вѣрѣ, которыхъ нужно воспитывать, къ религіозному состоянію которыхъ необходимо примѣняться, но لكي въ обрядѣ нѣтъ и да не будетъ. Мы высокоумствующіе осуждаемъ брата своего, за котораго Христосъ умеръ (1 Корин. 8, 11), этимъ самымъ осуждаемъ самихъ себя. Мы говоримъ: »это ведетъ къ идолопоклонству«; но »Духъ Христовъ, хранящій Церковь, премудрѣ (нашей) расчетливой мудрости«*).

*) А. С. Хомяковъ, Сочиненія т. II, стр. 24.

Nowadays people wish for some absolute freedom, which in its very essence is an impossibility, for it dissolves itself into an absolute selfwillfulness. If the Church is an institution of grace, it acts for the education of man, and education is unthinkable without certain educatory means, certain definite discipline, which must be obeyed. But can this be called violence? If yes, no education is possible and man must be entirely given up to the influence of his natural, disorderly instincts.

Lastly, our opponents maintain, that the Church has sunk into ritualism, that its spiritual life is in torpor, that it patronizes all the exterior sides of religion, getting from it an obvious benefit.

But we know what Bishop Grafton says about our people and our divine service. "The Russian people is truly an orthodox people; there is no other people in the world as profoundly and sincerely religious... Your churches and your divine service are truly beautiful; they speak to the heart and lift up the thought. Your Lavra of the Trinity has no equal and can not be compared to anything. I was there on the day of St. Sergius and saw in it your pilgrims. One can not look at them, who have come from all the ends of Russia, without a heartfelt emotion."

So do not despise one of these little ones. Do not condemn your own brother. Every rite is an expression of a spiritual longing for God. We are well aware, that the rites are not unchangeable, that in course of time they change and become more spiritualised. Within the Church there exist babies in faith, who are to be educated and to whose religious condition it is necessary to adapt ourselves. But there is no falsehood in the ritual and let there never be any! Proud of our minds, we condemn our brother for his love of the ritual. But condemning our brother, for whom Christ died (I, Corinthians, 8, 11), we condemn ourselves. We say: "this leads to idolatry"; but in the words of A. S. Chomiakoff, "the spirit of Christ, which guards the Church is wiser than our calculating wisdom".

Архипастырекія путешествія.

Двѣ поездки въ миссіонерской поѣздкѣ... Краткая остановка въ Монреаль, и долгая бесѣда о приходскихъ дѣлахъ съ благоговѣйнымъ сыномъ православной Церкви г. Канадскимъ Консуломъ Н. В. Струве, проводившимъ Владыку отъ Монреаля до Оттавы, и потомъ восторженно описывавшимъ свои впечатлѣнія отъ этого свиданія съ нашимъ Архипастыремъ. Прибытіе въ Виннипегъ почти ко всенощной подѣ Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы, вечеромъ и на утро въ праздникъ тамъ служеніе, встрѣча съ мѣстными и окрестными священнослужителями, дождавшимся наконецъ своего Святителя, бесѣда съ отпадшими отъ Церкви нашей, поѣздка на фармы, обзоръ тамъ церковей, улаженіе спорныхъ дѣлъ, накопившихся долгимъ временемъ,—оттуда въ Млинеаполлисъ, тамъ въ день св. Андрея Первозваннаго служеніе Архіерейское, осмотръ семинаріи и прихода, вразумленіе братства, остановка на нѣсколько часовъ въ Чикаго, — и Владыка Архіепископъ снова среди своей кафедральной Нью-Йоркской паствы!...

Краткая поѣздка,—а попробуемъ возстановить все ея подробности, и будемъ поражены, какъ много пользы приносится даже самымъ непродолжительнымъ путешествіемъ Архипастыря по безбрежнымъ пространствамъ его огромной епархіи: тамъ слово ободренія, тамъ слово прещенія и укоризны, тамъ рѣшающее указаніе, направляющее жизнь неустойчивыхъ элементовъ Миссіи въ должное и спасительное русло, тамъ случайная встрѣча съ совопросниками, предъ которыми слово простаго пастыря чувствуетъ себя слабымъ, и которыхъ мощное слово Архипастыря возвращаетъ на путь истины, тамъ рука помощи въ матеріальной бѣдѣ, тамъ — прозрѣніе въ суть мѣстной нужды, дарованіе пастыря и пр., и пр.

Конечно, когда послѣ поездки мѣстные корреспонденты изъ осчастливленныхъ посѣщеніемъ Святителя приходоѡвъ пытаются въ письмени изобразить пребываніе у нихъ Архіерея, исключительное почти вниманіе посвящается ими описанію внѣшней стороны торжества, но кто же подумаетъ, что та-

кимъ описаніемъ все и исчерпано! Внутреннюю значимость и пользу посѣщенія учитывать надо не такими хотя бы и протяженно-сложенными строками, а тѣмъ, что изъ всехъ концовъ Миссіи несется этотъ зовъ, эти просьбы въ Архипастырю—посѣтить и ихъ, и въ своихъ лишенияхъ и скорбяхъ многіе и пастыринприходы только путѣмъишуются признаніемъ, что Архипастырь ихъ не забудетъ, что онъ скоро въ нихъ придетъ, наставитъ, поможетъ...

Слово Владыки Архіепископа полагаетъ санкцію на то или иное начинаніе. Прихожане колеблются, мнутел. дѣлятся на партіи, ибо одному кажется лучшимъ поступить такъ, другому—иначе. Два-три слова личного обращенія къ нимъ Владыки, и — можетъ быть только такъ, какъ Архипастырь указалъ. И хотя, быть можетъ, найдутся и послѣ того мятежные и своевольные, но народъ уже получитъ мѣрку, которой определять норму...

Владыка проповѣдывалъ въ Виннипегѣ. Здѣсь масса отбившихся отъ православія русскихъ людей, загубленныхъ пресвитеріанами, сорящими деньгами на покушку души, багнетами и пр. Пришли нѣсколько юнцовъ изъ такихъ въ церковь, стоятъ съ вызывающимъ видомъ, усмѣхаются. Владыка ведетъ свою любимую тему: русскій человекъ можетъ быть только православнымъ. Ты родился православнымъ, послѣ отступилъ, продалъ свою вѣру, а совесть твоя все таки въ концѣ концовъ казнить тебя, покоишься въ ней, и сознаешься, что ты неискрененъ, что то, чужое, тебѣ не сродни, а православіе тебѣ и мило и свое... И вотъ, усмѣшка исчезла, головы поникли, а еще погодя — эти юнцы предъ Владыкой, просятъ благословенія и посылаютъ въ свои пресвитеріанскія миссіи отказъ быть служками враговъ православія!...

Приходитъ къ Владыкѣ тамъ же въ Виннипегѣ русскій человекъ. Хорошій человекъ. Сердечный. Давно въ Америкѣ, но русскость не исчезла. Подѣ мышкой библия, здороваеся, но подѣ благословеніе не подходитъ, руки Архипастыря не цѣлуетъ.

— »Вы ко мнѣ какъ къ частному человеку, или какъ къ Епископу Христіанской Цер-

кви пришли?»—спрашиваетъ Владыка...

— Какъ къ Епископу, отвѣчаетъ тотъ...

— »Почему же благословенія не испросите?»

— Да, я теперь уже въ миссионерной службѣ, не вѣрю...

— »Э, полноте«,—благодушно замѣчаетъ Владыка...

Смотришь, послѣ получасовой бесѣды, русской, задушевной, этотъ невѣрующій прощается и на прощаніе проситъ благословенія, идя на благословляющую десницу Архiepастыря, да не одинъ разъ, а кряду раза четыре...

Въ братствѣ митингъ. Нѣсколько человекъ давно уже завели братчиковъ на ложную дорогу, избаламутили ихъ, завелись дризги,—дѣла не распутать. Съ проводырями справиться трудно: чуть доказываешь, что они неправы, начинаютъ кричать, браниться и т. д. Пригласили Владыку на митингъ — просить наставленія. Владыка ставитъ на видъ защитникамъ смуты ихъ вину и ошибку. Разгорячившійся вождь не имѣетъ чѣмъ возразить и оретъ:

— Такъ всегда все попы противъ нашей хлопской правды!

— Слушай, безумецъ!—останавливаетъ Владыка крикуна. Да вѣдь твой сынъ учится у насъ же въ Семинаріи, зачѣмъ же ты его »на пона« учишь?...

Кажется, тысячи доводовъ не могли бы произвести на все собраніе такого впечатлѣнія, какъ эти слова Владыки. Что еще могъ возразить вождь? Пристыженный, онъ поспѣшилъ позорно укрыться за спины другихъ и, какъ говорится, »инцидентъ былъ исчерпанъ«...

Сейчасъ мы еще не получили отъ Виннипегскаго священника описанія пребыванія тамъ Высокопреосвящ. Владыки, и потому пока читатели найдутъ ниже сообщеніе только о томъ, какъ Владыка обозрѣвалъ церкви на фармахъ въ окрестностяхъ Виннипега.

По возвращеніи въ Нью-Йоркъ, Владыка не долго оставался въ кафедральномъ градѣ: въ самый день храмоваго праздника, съ починимъ поѣздомъ, Его Высокопреосвященство, въ соупутствіи Преосвященнаго Александра, направился въ Свято-Тихоновскій

Монастырь для приведенія въ порядокъ дѣлъ по Спротекскому приюту и Обители, и оттуда возвратился съ вечернимъ поѣздомъ въ четвергъ.

На фермахъ.

Необозримыя равнины Канады покрыты толстымъ слоемъ снѣга. Холодный пронизывающій вѣтеръ разгуливаетъ на просторѣ, побуждая все живыя существа искать теплаго убѣжища. И звѣри и птицы прячутся; кругомъ мертво, дико, однообразно. Одинокія хаты, занесенныя снѣгомъ, боязливы ютящіяся среди кустовъ, не только не оживляютъ ландшафта, но еще больше наводятъ уныніе. Горе путнику, котораго нужда заставляетъ бороздить эту снѣжную пустыню.

Высокопреосвященнѣйшій Владыка Платонъ, узнавши, что въ предѣлахъ Стюартбургскаго прихода не все благополучно, рѣшилъ ѣхать туда, чтобы на мѣстѣ уладить недоразумѣнія.

Изъ Виннипега на Стюартбургъ поѣздъ отходитъ въ 7 ч. утра. Въ 5 ч. Владыка былъ уже на ногахъ и поторопливалъ насъ скорѣе одѣваться, чтобы не опоздать на поѣздъ. На станцію прибыли какъ разъ во время. Поѣздъ былъ уже поданъ. Теплое помѣщеніе вагона повидимому способствовало прекращенію подобія барабанной дроби, которую усердно выколачивали наши зубы подъ влияніемъ морознаго утра. Въ Эмерсонѣ намъ предстояла пересадка. Владыка бодро вышелъ изъ теплаго вагона на морозный воздухъ, за нимъ не совсѣмъ охотно послѣдовалъ и я, такъ какъ холодъ считаю въ числѣ своихъ первѣйшихъ враговъ. Въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, весьма печальной наружности, помѣщается и станція, и таможня, и эмиграціонное бюро. Теплое помѣщеніе для пассажировъ было занято кучкой желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые такъ усердно курили, что лицъ ихъ нельзя было различить въ окутывавшемъ ихъ облакѣ табачнаго дыма. Владыкѣ не оставалось ничего лучшаго, какъ монотонное хожденіе взадъ и впередъ

по платформѣ. Когда Владыка достаточно продрогъ отъ холода, подошелъ товарно-пассажирскій поездъ и мы двинулись по направлению къ Стюартбургу со скоростью 10 миль въ часъ. Былъ уже полдень, когда мы достигли конечной точки нашего желѣзнодорожнаго путешествія. Владыка вышелъ на платформу, гдѣ собралась довольно большая толпа народа во главѣ съ настоятелемъ о. Димитріемъ Крышкой. Настоятель подошелъ подъ благословеніе къ Архипастырю, а за нимъ, снявши шапку, двинулись и другіе. Отъ станицы до св. Дмитріевской церкви оставалось проѣхать $3\frac{1}{2}$ милн. Подали простыя сани, усадили на нихъ Владыку и мы отправились дальше. Черезъ полъ часа показалась небольшая домообразная церковь съ громадишней крышею, такъ что издали она казалась гигантскимъ грибомъ, на вершинѣ котораго уставлены на одинаковомъ разстояніи 3 маленькіе крестика р. католическаго образца. Не далеко отъ церковной ограды Владыку встрѣтила процессія съ крестомъ и хоругвями, въ предшествіи которой Архипастырь доѣхалъ до церкви, гдѣ собралось человекъ 10 обоюго пола со свѣчами въ рукахъ. Внутри церковь эта поражаетъ своею убогостью. Вся почти церковная утварь сдѣлана неумѣлыми фермерскими руками и отличается разнообразіемъ стили, размѣра и окраски. Владыка приложился къ иконамъ, благословилъ собравшихся и осмотрѣлъ церковь. Предложивши народу собраться въ церковь къ 4 часамъ для того, чтобы высказать свои пожеланія, Владыка проѣзжалъ въ домъ настоятеля. Небольшой приходскій домъ изъ двухъ комнатъ расположенъ не далеко отъ церкви. Внутри, не смотря на скромную обстановку, чистота и порядокъ. Радужная молодая хозяйка вскорѣ изготвила трапезу, которая, по случаю поста, не отличалась особымъ изобиліемъ, но была приготовлена замѣчательно вкусно. Владыка хвалилъ кушанья, но ѣлъ очень мало, не смотря на то, что выѣхалъ изъ Виннипега выпивши только стаканъ пустого чаю.

— «Владыко, Вы бы отдохнули немного», спросилъ я, «вѣдь Вы совсѣмъ не спали эту ночь...»

— Попробую, отвѣтилъ онъ: только наврядъ ли мнѣ это удастся.

Мы удались въ другую комнату, но

минуть черезъ двадцать убѣдились, что Владыка не спитъ.

— Можетъ быть уже пора идти въ церковь? спросилъ Владыка.

«Да, уже кажется народъ собрался», отвѣтилъ о. настоятель.

— Ну, идемъ! заключилъ Владыка.

Въ церкви было уже человекъ 40. Всѣ стояли съ большими зажженными самоѣльными свѣчами, которыя возгитали немилосердно. Послѣ обычной встрѣчи Архипастырь обратился къ народу съ теплымъ сердечнымъ поученіемъ.

— Первый разъ въ жизни мнѣ приходится служить въ такой бѣдной церкви, говорилъ Владыка «своихъ слушателей, но знайте, что Господь не нуждается ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ. Душа человѣческая для него дороже самыхъ многоцѣнныхъ камней. Если души ваши будутъ чисты, согрѣты любовью къ Богу и ближнимъ, если между вами будетъ любовь и миръ, то Господь будетъ пребывать между вами и въ этомъ бѣдномъ храмѣ».

Затѣмъ Владыка спросилъ изъ за чего у нихъ происходятъ несогласія. Послѣ двухъ-часовыхъ разговоровъ и преширательствъ, выяснилось, что предметомъ раздора служить новый приходскій домъ. Прихожане св. Дмитріевской церкви построили домъ около своей церкви, между тѣмъ, какъ прихожане сосѣдней св. Михайловской церкви требовали, чтобы домъ для священника былъ построенъ между этими церквами. Такъ какъ сдѣлано было не по ихнему желанію, то они въ настоящее время отказывались нести расходы по постройкѣ этого дома.

Его Высокопреосвященство заявилъ, что по возможности приходскій домъ всегда, для удобства самыхъ же прихожанъ, долженъ стоять около церкви, а не вдали отъ нея и тѣмъ обезоружить противную партію. Раскладку Владыка повелѣлъ произвести по хозяйству, а не раскладывать по церквамъ, каковымъ рѣшеніемъ всѣ остались очень довольны и съ миромъ разошлись по домамъ.

Было уже темно, когда Архипастырь, утомленный до невозможности, возвратился въ приходскій домъ. Къ предложенному любезнымъ хозяиномъ ужину почти вовсе не прикоснулся и выпивши стаканъ чаю съ хлѣбомъ отправился на отдыхъ. Спать, однако,

было, мудро, ибо холодъ давалъ себя чувствовать. Мы поочередно съ о. настоятелемъ несли дежурство около печки, подкладывая сырыя дрова, которыя шипѣли, но тепла давали очень мало. Владыка всю ночь ворочался съ боку на бокъ, стараясь согрѣться. Въ 7 ч. утра онъ уже всталъ, такъ какъ въ этотъ день намъ предстояла поѣздка въ соседнюю св. Николаевскую церковь, находящуюся въ 12 миляхъ отъ св. Димитріевской.

Возпользовавшись моимъ ирѣздомъ, о. настоятель попросилъ меня окрестить его новорожденного сына. Затрудненіе состояло только въ томъ, что не было кума. Узнавши объ этомъ, Владыка милостиво соизволилъ быть восприемникомъ. По случаю не оказалось крестика. Тогда Высокопреосвященнѣйшій Восприемникъ временно предоставилъ свой академическій именной крестъ, который я и возложилъ на новокрещеннаго.

Послѣ чаю подѣхали простыя фермерскія сани, усталыя сѣномъ, на которыя съ немалымъ трудомъ взобрался Владыка. Кое какъ успѣли и мы съ о. настоятелемъ. Небо кругомъ было покрыто сѣрыми тучами, дулъ сильный вѣтеръ, заноса снѣгомъ дорогу. Не успѣли мы проѣхать и полъ мили, какъ сѣно подъ Владыкою разсунулось. Спина, не находя точки опоры стала поддаваться все болѣе и болѣе назадъ.

— «Ужасно спина болитъ», замѣтилъ добродушно Владыка; «нельзя ли чтонибудь поправить?»

Остановились, перестелили сѣно въ другую сторону. Стало немного лучше. Лошади почти все время шли шагомъ по рыхлому снѣгу. Наконецъ черезъ 3 часа добрались мы до церкви, гдѣ уже народъ ожидалъ Владыку съ крестомъ, хоругвями и неизмѣнными копящимися большими свѣчами въ рукахъ. По случаю дурной погоды народу собралось не такъ много какъ ожидалось, хотя довольно порядочно. Послѣ поученія Высокопреосвященнѣйшій Владыка спросилъ, кто имѣетъ какое дѣло къ нему. Выступилъ староста этой церкви В. Божикъ и отъ лица прихожанъ сталъ просить Владыку дать имъ особаго священника на 3 соседнія церкви такъ какъ имъ далеко ѣздить за священникомъ. Кромѣ того на дорогѣ между этою церковью и той, при которой живетъ настоятель, протекаетъ рѣка, такъ что сообщеніе порой дѣла-

ется совершенно невозможнымъ. Владыка милостиво выслушалъ ихъ жалобы и обѣщаль имъ дать особаго священника, съ тѣмъ, однако, чтобы они построили для него приходскій домъ. Все согласились и остались очень довольны.

Владыка хотѣлъ уже садиться на тѣ же сани, чтобы возвратиться обратно къ о. настоятелю и оттуда ѣхать на станцію, но одинъ изъ фермеровъ попросилъ Владыку заѣхать къ нему перекусить чтонибудь. Владыка согласился къ немалой нашей радости, потому что мы были очень голодны и дрожали отъ холода. Минутъ черезъ двадцать ѣзды Владыка заходилъ уже въ фермерскую хату. Женщины и дѣти при появленіи Владыки со страхомъ понялись назадъ, но услышавши ласковый голосъ Архиастыря, немного одобрили и нерѣшительно подошли подъ благословеніе. Въ нашемъ распоряженіи оставалось очень мало времени. Владыка тотчасъ же сѣлъ за столъ, на который поставили пампушки, сжаренныя на постномъ маслѣ, домашняго издѣлья, бобы вареные, сливы и рыбу, которая была повидимому неособенно свѣжа. Мы съ большимъ усердіемъ приступили къ ѣдѣ, но Владыка сѣлъ только нѣсколько пампушекъ, похваливъ, что вкусно приготовлены, и замѣтивъ, что уже лѣтъ двадцать нѣ ѣлъ такихъ. Прощаясь съ гостеприемными хозяевами, Владыка далъ дѣтямъ на «кенди», что ихъ несказанно обрадовало. Широкая улыбка появилась и на лицахъ родителей. Боясь опоздать на поѣздъ, Владыка приказалъ ѣхать прямо на станцію, такъ какъ чтобы заѣхать къ настоятелю нужно было сдѣлать большой крюкъ. Въ домѣ настоятеля я оставилъ свой чемоданъ и потому долженъ былъ остаться въ Стюартбургѣ.

На дворѣ стоялъ сильный холодъ и подводчикъ не хотѣлъ ожидать прибытія поѣзда. Владыка великодушно разрѣшилъ намъ отправиться домой. Мы попрощались съ Архиастыремъ и пожелали ему благополучнаго путешествія, въ которое онъ отсюда отправился уже одинъ безъ насъ.

Благочинный свящ. В. Мартышъ.

Праздникъ миссіонерской семьи.

Скромный юбиларъ.

По разному сложилась жизнь труженниковъ Американской Миссіи. Въ разныхъ условіяхъ проходятъ ихъ дѣятельности. . . . Одинъ въ далекихъ, суровыхъ углахъ Аляски, гдѣ кругомъ не найдешь живой бѣлой души, цѣлыми мѣсяцами оторванный отъ прочаго міра, скромно совершаетъ свою великую работу... Въ невѣдомыя земли, къ невѣдомымъ людямъ пролагаетъ онъ дорогу и несетъ туда благовѣстіе христіанства, родной православной вѣры! Сколько случаевъ наша миссія знаетъ, когда занесенные долгомъ обзорѣнія своихъ огромныхъ миссіонерскихъ районовъ далеко отъ своего дома, отъ своей семьи, іерей Божьи возвращались подъ кровъ своего дома измученными, некалѣченными холодами, морозами, голодовкою, и находили свою жену больною въ постели, а своихъ дѣтей въ оградѣ кладбищенской!.. Тотъ бросаетъ зерно проповѣди Христовой въ покрытой снѣгами Канадѣ, ютась въ пазухахъ наскоро сколоченныхъ изъ простыхъ досокъ и почти побираясь у тѣхъ, кому онъ такъ искренно принесъ свою душу, свои молодые силы, свое желаніе просвѣщать, спасать, учить, дѣлиться дарами своего высокаго благодатнаго званія... Тотъ въ самомъ гнѣздѣ недруговъ Церкви, отбиваясь отъ клеветы и лжи воздвигаемой противъ нея, борясь за ея честь, за ея славу, проходитъ свое пастырское служеніе, проживая какъ будто и въ самыхъ культурныхъ условіяхъ, окруженный какъ будто всѣмъ, что только измышлено для человѣческаго комфорта, но съ радостью готовый промѣнять этотъ какъ будто и счастливый постъ на скромную келью, на затворъ отъ всего этого мигающегося, злобнаго, ненавистническаго міра... О, цульмановскими подушками, электрическимъ освѣщеніемъ, паровыми печами не искупаются эти безконечныя шны, эти тернія, что такъ обильно устилаютъ тропу и нашихъ восточныхъ миссіонеровъ. И здѣсь болѣзни, и здѣсь труды...

Нѣтъ, велика разность не въ проповѣдническихъ трудахъ и лишеніяхъ нашихъ

миссіонеровъ, гдѣ бы Провидѣніе Божіе ни возмѣгало ихъ для свѣта міру!

Но кто не пойметъ тоски одиночества, тоски, оторванности, щемленія сердечнаго нашихъ заброшенныхъ въ края безлюдные собратьевъ въ тѣ минуты, когда душа особенно проситъ личнаго общенія съ друзьями, когда такъ ждешь пожатія дружеской руки, когда такъ необходимо слово ободренія, когда не горе только, а и радость проситъ, жаждетъ кого нибудь, съ кѣмъ бы радость эту подѣлить, и тѣмъ удвоить, осмыслить ее? А есть же такія мгновенья въ жизни и дѣятельности каждаго! И въ ту пору, когда на долю счастливецъ, окруженныхъ близкими сосѣдями-сослуживцами, готовыми всегда подарить тебѣ и слово привѣта и долгую бесѣду, достается много-много такихъ духовныхъ утѣхъ, что долженъ переживать нашъ бѣдный собратъ, отодвинутый отъ насъ горами и рѣками, тысячами миль, снѣгами непроходимыми, пространствами безпредѣльными? Устремитъ онъ въ такую знаменательную, рѣдкую минуту своей тяжелой, трудовой жизни, мысленный взоръ туда—въ родные края, къ роднымъ лицамъ, и вмѣсто радости вдругъ еще болѣе углубится его горе,—слезы никому невидныя, рѣкою польются, стояъ никому не слышимый, камень растопитъ, а тоскѣ—тоскѣ конца-краю не найдется... Охъ, ты горе, мое горюшко!..

И вотъ, разъ у насъ тутъ товарищескій смѣхъ душу бодритъ, разъ собраніями и бесѣдою обставлены даже маленькія наши празднества, разъ юбилейные сроки нашей здѣсь жизнедѣятельности чуть не на »годолѣтія« подѣлены, какъ хотѣлось бы, чтобы дружескій привѣтъ нашъ, слово ласковое и братское сердечное пожеланіе достигали вовремя, какъ яичко къ красненькому дню, если не слуха, такъ сознанія нашихъ далекихъ-далекихъ собратьевъ-работниковъ на шивѣ Христовой въ Америкѣ въ ихъ праздничные дни!..

Привѣтъ же вамъ, родные, хорошие! Господь да укрѣпитъ васъ, да ободритъ! И въ одиночествѣ не одиноки вы!.. Не тѣсно вмѣщаетъ васъ въ сердце своемъ Отецъ всей Церкви Американской, не чужды болѣзни ваши ему... Здравствуйте, здравствуйте, наши добрые братья!..

Въ далекомъ Эдмонтонѣ подвизается о. Василій Мартышъ... 10 Декабря исполняется десятилѣтне со дня рукоположенія его въ іерей въ Американской Миссіи, а 9 Марта, 1911 года, истечетъ десять лѣтъ со времени вступленія его на эту землю. Десять лѣтъ упорной, честной, добросовѣстнѣйшей, полезной работы,—служенія великому, свѣтлѣйшему дѣлу!.. Пройдено поприще долгое; руба пастыря сѣяла за это время по Аляскѣ сѣмя слова Божія, здѣсь въ Штатахъ воздвигла Господу домъ молитвы, а нынѣ въ Канадѣ, на высококомъ посту благочиннаго продолжаетъ о. Василій свой посильный—во спасеніе души человѣческой—трудъ!.. Но въ знаменательный день, день своего юбилея, увидитъ ли этотъ собратъ нашъ подлѣ себя сослуживцевъ, услышитъ ли поздравленіе, найдетъ ли въ своей утренней почтѣ дружеское письмо, и вообще какойнибудь, хотя бы самый ничтожный знакъ памятованія Миссіи объ этомъ днѣ, объ этой радости?..

Многіе о. Василя не знаютъ, многіе его не видѣли, хотя онъ служилъ и въ Штатахъ, и въ Аляскѣ, и въ Канадѣ... Когда незабывающій и одинаково любящій и близкихъ и далекихъ своихъ чадъ нашъ Архипастыръ напомнилъ о приближеніи юбилея о. Василя, и я просилъ о. Мартыша подѣлиться достояніемъ его опыта за минувшіе годы миссіонерскаго его дѣланія, высказаться, чѣмъ болѣе всего удовлетворенъ онъ въ своей минувшей работѣ, онъ по скромности хотѣлъ отказать отъ всякаго о себѣ свидѣтельствованія, и какъ трогательно запечатлѣнъ его отвѣтъ именно этой добродѣтелью скромности!.. Вотъ выдержки изъ его письма:

»Откровенно говоря, мнѣ ужасно совѣстно писать. Выдающимися способностями Господь не одарилъ меня, высокаго образованія я не получилъ, никакихъ громкихъ подвиговъ не совершилъ. Я обыкновенный человѣкъ, получившій отъ Господа 2 таланта, а можетъ быть и гораздо меньше. Скажу однако, что всегда былъ доволенъ тѣмъ, что Господь далъ мнѣ и старался честно работать умножая данное мнѣ Богомъ, не ища ни чести ни славы для себя, но желая славы имени Божія.

Если нѣкоторыхъ труженниковъ нашей Миссіи можно сравнить съ великими изобрѣтателями, то меня—съ рядовымъ работни-

комъ, выдѣлывающимъ и почиющимъ отдѣльные части ихъ изобрѣтеній.

26-го Ноября, 1900 года, я былъ назначенъ Св. Синодомъ настоятелемъ Аюогнакского прихода (въ Аляскѣ) и 10 Декабря того года рукоположенъ въ іерей. На Аюогнакскомъ я трудился 3 года, старался улучшить религиозную и нравственную жизнь путемъ братства, общества трезвости и церковныхъ соборствованій, по большимъ успѣхамъ, какъ мнѣ кажется, не достигъ. Одно только, что мнѣ удалось тамъ сдѣлать—это построить новую, хорошую церковь, совершенно почти безъ всякихъ средствъ. На эту цѣль мнѣ всего выдано было изъ Духовнаго Правленія 300 дол. и Владыкою Тихономъ пожертвовано 25 дол.

15-го Іюня, 1904 года, Преосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ я былъ назначенъ настоятелемъ Кодякского прихода и смотрителемъ мужскаго и женскаго приютовъ. Два года я пробылъ здѣсь, занимаясь устройствомъ приютовъ и приведеніемъ ихъ воспитательной и экономической сторонъ въ порядокъ.

Затѣмъ, по моей просьбѣ, Высокопреосвященнѣйшій Тихонъ перевелъ меня въ Штаты, гдѣ за 5 лѣтъ я перемѣнилъ 4 прихода. Дольше всего я пробылъ въ Олдфордѣ,—2 года и 3 мѣс., гдѣ Господь позволилъ мнѣ устроить приходъ, украсить церковь, освободить ее отъ долговъ и перевести содержаніе причта на приходскія средства. Трудъ мой здѣсь былъ высоко, можетъ быть не по достоинству, оцѣненъ прихожанами, и я былъ воистинѣ вознагражденъ тѣми слезами и выраженіями благодарности, съ которыми они меня провожали. Какъ видимый знакъ признательности, они подарили мнѣ на память роскошный серебряный сервизъ.

Право, сильно хотѣлось бы мнѣ утѣшить нашего дорогого Архипастыря описаніемъ какихънибудь выдающихся дѣлъ, но, увы, ничего такого у меня нѣтъ, а выдумывать и фантазировать я не умѣю. Никакихъ »торжествъ« я устраивать не буду, да если бы и хотѣлъ, то не могу, потому что жестокіе канадскіе морозы не позволяютъ кому либо изъ моихъ собратій и соработниковъ въ Альбертѣ прибыть въ Эдмонтонъ.

Простите, дорогой о. протоіерей, за болтливость. Здѣсь такъ рѣдко говорю съ

гѣмъ побудь, что невольно приобретаешь скверную привычку къ письменному много-словью.»

Но пусть собраты и не смогутъ явиться лично для того, чтобы обнять юбиляра и пожать ему руку; оставаясь въ кругу своей собственной семьи, о. Василій не почувствуетъ себя въ этотъ день отчужденнымъ отъ остальнаго миссіонерскаго нашего круга; согрѣютъ его сердце привѣтствія нашихъ Святителей, полныя отеческаго попеченія и признательности Архипастырской, порадуютъ благожелательныя строки Духовнаго Правленія, благодарныя письма его бывшихъ пасомыхъ и пылѣющей паствы. — согрѣютъ, порадуютъ и ободрятъ на новые труды, на новые подвиги...

Вседушевно поздравляемъ Васъ всѣ мы, дорогой о. юбиляръ!

А. Х.

Адресъ о. Василя Мартыша:
1105 Syndicate Ave.,
Edmonton, Alta, Canada.

Моя поѣздка въ Montreal, Canada, и въ Worcester, Mass.

Въ среду вечеромъ 13-го (26-го) октября, оставивъ Нью-Йоркъ, съ моимъ іеродіакономъ, Еммануиломъ Абу-Гатабомъ, я прибылъ на слѣдующее утро въ Montreal, гдѣ былъ встрѣченъ множествомъ нашего народа, генеральнымъ консуломъ г. Струве и, ко моему великому удивленію, іеромонахомъ Евоиміемъ! По дорогѣ съ вокзала въ церковь я узналъ, что отецъ Георгій Махфузъ отсутствовалъ въ Cambridge, Ohio, а отецъ Евоимій, воспользовавшись тѣмъ случаемъ, посѣщивъ встрѣтить меня, чтобы загладить свою вину, а я, воспользовавшись этимъ его раскаяніемъ, принять его и всю его партію какъ заблудшихъ, тѣмъ болѣе, что они дали мнѣ торжественный обѣтъ быть постоянно подъ моей юрисдикціей и ничего не дѣлать безъ моего разрѣшенія и благословенія. А это новое примрение было весьма удачнымъ и благовременнымъ и для меня, ибо ни отца Георгія не было въ Montreal-ѣ, ни русскаго

священника, а безъ священника совершить первую мою архіерейскую литургію и первое торжество закладки храма, мнѣ было бы не удобно...

Мнѣ и моему іеродіакону были приготовлены комнаты у одного прихожанина, по имени Абу-Самра Хурри, гдѣ я остановился и куда стали стекаться ко мнѣ для поздравленія съ приѣздомъ всѣ православныя и иераславныя Сиро-Арабы.

На второй день, вмѣстѣ съ собой отца Евоимія и іеродіакона, я посѣтилъ главарей Евоиміевской партіи, которые были въ восторгѣ, и обѣщали придти со всѣми своими партизанами на всѣ божественныя-службы. И дѣйствительно въ субботу вечеромъ наемный, достаточный просторный флатъ подъ церковью, былъ наполненъ народомъ пришедшимъ къ Вечернѣ и благословенію пяти хлѣбовъ. На второй день, Воскресенье, въ 9 часовъ утра началась Утреня, а въ 10 часовъ предъ иѣніемъ Ирмосовъ, по обыкновенію греческой и сиро-арабской церкви, я пошелъ въ церковь, а предъ мною шли члены «Женскаго Общества» и члены «Православнаго благотворительнаго мужскаго общества» въ своихъ оффиціальныхъ одеждахъ, а за ними пѣвчіе пѣвше Тропаря дня, св. Николая, и другіе. Служба утрени и божественная Литургія шли своимъ чередомъ. Служили со мною отецъ Евоимій и іеродіакоуль Еммануиль при иѣніи прекраснаго хора, подъ управленіемъ одного палестинскаго пѣвца, знатока греческаго церковнаго иѣнія. По окончаніи св. Литургіи, я сказалъ поученіе о благотворныхъ плодахъ житія въ мирѣ и любви и о послушаніи нашей Матери Православной Церкви, каковое поученіе, какъ оказалось въ послѣдствіи, много содѣйствовало упроченію мира и любви среди всей православной общины въ Montreal-ѣ.

Для торжества совершенія «чина освященія церкви» было назначено время въ 3 часа по полудни, на которое были приглашены мэръ города, русскій генеральный консулъ, (который былъ и на Литургіи) англиканскій епископъ съ его клириками которые и приѣхали всѣ, кромѣ мэра, пригласившаго своего представителя, бывшего мэра. Процессія (крестный ходъ) началась изъ квартиры г-на Кассаба, отстоящей отъ новопостроенной церкви около шести блоковъ. Программа

была составлена мною наканунѣ. По ней впередъ шли два мальчика въ стихаряхъ, съ крестомъ и свѣчкою, за ними 24 мальчика, по два, въ бѣлыхъ стихаряхъ съ нашитыми на нихъ красными крестиками, со свѣтами въ рукахъ, за ними 12 членовъ женскаго общества, по двѣ, въ своихъ знакахъ, съ широкими лентами черезъ плечо, голубаго цвѣта, и съ розами въ рукахъ, по обѣимъ сторонамъ несли англійскій и канадскій флагъ, за ними — по двѣ—24 дѣвочки въ бѣлыхъ одеждахъ съ голубыми крестиками на нихъ и съ свѣчами въ рукахъ, за ними 24 члена «Благотворительнаго Общества» (т. е. комитета строящаго храмъ), по два, въ своихъ знакахъ, съ лентами черезъ плечо краснаго цвѣта, а по обѣимъ сторонамъ несли русскій и французскій флаги, за ними 20 (молодыхъ) юношей изъ «Общества любителей музыки» поющихъ гимнъ составленный мной іеродіакономъ для этого случая специально, за ними генеральный русскій консулъ въ своемъ парадномъ оффиціалномъ одѣвѣ и представитель мэра, за ними англійскій діаконъ и священникъ, держащіе епископскій жезлъ предъ своимъ епископомъ, шедшимъ въ епископскихъ одеждахъ, за тѣмъ носитель хоругви св. Николая (подаренной мною новосоздаемому храму), за нимъ мой іеродіаконъ съ кадиломъ, отецъ Евѣмій съ крестомъ, два молодыхъ іподіакона въ стихаряхъ, съ дикриемъ и трикриемъ, и затѣмъ я въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, держа въ правой рукѣ св. Евангеліе и въ лѣвой Пастырскій жезлъ, а по обѣимъ сторонамъ два мальчика въ стихаряхъ, держащіе требникъ и другія книги, за нами же и на обѣихъ тротуарахъ шла масса народу. Канадскихъ католиковъ было много множество, они все снимали свои шляпы, а нѣкоторые опускались на колѣна.

Чинъ «основанія церкви и положенія краеугольнаго камня» я совершилъ по переведенному мною съ Славянскаго Требника (въ сокращенномъ видѣ) чину, такъ какъ на арабскомъ его нѣтъ, а въ греческомъ *Большомъ Евхологіонѣ* нѣтъ ничего кромѣ одной молитвы. Все присутствующіе были восхищены этимъ торжественнымъ чинномъ, и особенно наши православные Арабы, въ первый разъ видѣвшіе такое торжество. По окончаніи всего того чина, я сказалъ поученіе наро-

ду по-арабски, благодарилъ его за оказанную имъ ревность къ Дому Божию и выразилъ надежду, что сейчасъ будетъ собрано и пожертвовано имъ же не менѣе 500 долларовъ, но къ моему радостному удивленію, какъ я узналъ вѣкорѣ по моемъ возвращеніи въ домъ, собрано было болѣе 1200 долларовъ! Торжество это, какъ и св. Литургія въ церквѣ, было закончено возгласеніемъ «многаквѣ, было закончено возгласеніемъ «многаквѣ» (по-арабски нашимъ іеродіакономъ и пѣвчими), Государю Императору Всероссійскому Николаю Александровичу, англійскому Королю, Святѣйшему Всероссійскому Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Платону, мѣ, всемъ строителямъ и благотворителямъ новоустроеннаго храма и всемъ Православнымъ Христіанамъ. Затѣмъ я сказалъ нѣсколько словъ по-англійски, выразивъ мою и нашего народа благодарность англійскому епископу и его духовенству, русскому генеральному консулу и представителю мэра. Потомъ мы возвратились домой такимъ же крестнымъ походомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Епископъ Рафаиль.

Приближается Праздникъ Рождества Христова. Не забудьте о бѣдныхъ малюткахъ Сиротскаго Приюта при Свято-Тихоновской обители! Порадуйте ихъ своею любовью!

Адресъ: **Russian Monastery,**
So Canaan, Pa.

Редакторъ,

Каѳедральный Прот. А. Хотовицкій.